182 T14

182
114

А. Е. Пѣсняковъ.

РѢЧЬ

ПЕРЕДЪ ЗАЩИТОЙ ДИССЕРТАЦІИ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

ОБРАЗОВАНІЕ ВЕЛИКОРУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

2873
12

ПЕТРОГРАДЪ.
Девятая Государственная типографія, Моховая, 40.
1920.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
966389

166389

Когда я писалъ свою книгу, то не разъ останавливался въ нѣкоторомъ недоумѣніи передъ одной ея особенностью: тема избитая, матерьялъ старый, общеизвѣстный, а приходится устанавливать заново то элементарные факты, то основныя, существенныя черты изучаемыхъ явленій. И невольно хотѣлось найти объясненіе такому авторскому положенію. Въ чемъ же его искать?

Наша историческая наука, наука русской исторіи—сравнительно молода. Ей и ста лѣтъ не минуло. Она вышла на подлинно научный путь только въ трудахъ С. М. Соловьева. Какъ научная дисциплина, она прожила одинъ періодъ своего развитія—«Соловьевскій». Этотъ поистинѣ героическій періодъ завершенъ въ трудахъ В. О. Ключевскаго.

Когда умеръ Е. Е. Голубинскій, то А. В. Карташовъ отмѣтилъ въ засѣданіи нашего Историческаго Общества, посвященномъ памяти Голубинскаго, значеніе этой утраты словами: умеръ послѣдній изъ поколѣнія строителей историческихъ системъ. Во главѣ этихъ строителей системы русской научной исторіи стоитъ имя С. М. Соловьева.

Соловьевъ—такъ Ключевскій опредѣлилъ его значеніе—«первый пересмотрѣлъ всю массу историческаго матеріала, оставшагося отъ жизни русскаго народа съ половины девятаго до послѣдней четверти восемнадцатаго вѣка, связалъ одной мыслью разорванные лоскуты историческихъ памятниковъ и вынесъ на свѣтъ наличность уцѣлѣвшихъ фактовъ нашей исторіи». Мощнымъ усиліемъ мысли создалъ Соловьевъ въ сороковыхъ годахъ—тогда онъ былъ двадцатипяти-двадцатишестилѣтнимъ ученымъ—въ первыхъ же трудахъ своихъ основную схему русскаго историческаго процесса. Затѣмъ, изъ году въ годъ, съ 1851-го, выходятъ томы огромной «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», развертывая схему и наполняя ее конкретнымъ историческимъ содержаніемъ. Послѣдовательно, непрерывной струей вливается въ русскую науку и въ русское историческое сознаніе масса новыхъ и свѣжихъ свѣдѣній.

Отъ Соловьева идетъ и къ Соловьеву обращается вся дальнѣйшая историческая работа. На его построеніи русскаго историческаго процесса воспитался рядъ поколѣній. Его трудъ наложилъ глубокую печать на все препо-

даваніе русской исторіи. «Изслѣдователи—писалъ Ключевскій по поводу кончины Соловьева—долго будутъ черпать прямо изъ его книги историческіе факты и положенія въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ впервые обработалъ и высказалъ Соловьевъ, прежде чѣмъ успѣютъ провѣрить ихъ сами по первымъ источникамъ». И предсказаніе Ключевскаго оправдано опытомъ, долгимъ опытомъ—до нашихъ дней.

Соловьевымъ пользуются, на Соловьева опираются больше, чѣмъ его изучаютъ. Не изслѣдованъ генезисъ его схемы, не проанализированы его источники. А между тѣмъ, для исторіи допетровской Руси, въ установленіи Соловьевымъ не только «положеній», но и «фактовъ» есть одна важная особенность: ихъ зависимость отъ схемы, которая ставила основной задачей изслѣдователя—изученіе перехода родового быта въ бытъ государственный. Историческое мышленіе Соловьева было слишкомъ мощно и цѣльно, чтобы избранная имъ исходная и основная точка зрѣнія могла не отразиться какъ на подборѣ фактическихъ данныхъ изъ первоисточниковъ, такъ и на ихъ конструированіи, какъ историческихъ явленій, изъ указаній, сохраненныхъ этими источниками. Ошибались тѣ изслѣдователи, кто полагалъ, что можно, отрѣшившись отъ Соловьевской схемы и не считаясь съ нею, пользоваться его подборомъ и обработкой фактическихъ данныхъ. И это тѣмъ болѣе, что самъ Соловьевъ (какъ давно указано П. Н. Милюковымъ) находился въ такомъ же положеніи относительно своихъ источниковъ—Никоновской лѣтописи и «Россійской Исторіи» Татищева, гдѣ какъ разъ факты, наиболѣе существенные для его схемы, подобраны и обработаны съ опредѣленной точки зрѣнія. Черезъ нихъ Соловьевское построеніе отношеній между князьями Рюрикова дома восходитъ не только къ «теоріи родового быта», но и къ мѣстническимъ воззрѣніямъ XVI-го вѣка. Увлеченный столь явнымъ совпаденіемъ своихъ соціологическихъ предпосылокъ (теоріи родового быта) съ данными источниковъ, въ которыхъ онъ не заподозрилъ отраженія опредѣленной книжнической доктрины, Соловьевъ создалъ въ первыхъ же трудахъ своихъ цѣльную теорію русскаго историческаго процесса и подчинилъ дальнѣйшую работу свою и своей школы четко обдуманной схемѣ. «Схема русскаго историческаго процесса была дана, въ сущности, прежде, чѣмъ самый этотъ процессъ сдѣлался предметомъ спеціальной научной разработки» (Сыромятниковъ). И, по свидѣтельству Ключевскаго, эта схема царила, чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ университетскомъ курсѣ Соловьева: «съ теченіемъ времени фактическія подробности въ этомъ курсѣ сглаживались все болѣе, такъ что онъ превратился, наконецъ, въ непрерывную цѣпь обобщеній, въ историко-философскую формулу политическаго и соціальнаго развитія Россіи».

Такое направленіе мысли объясняетъ, почему Соловьевъ не возвращался къ пересмотру и углубленной разработкѣ своихъ первоначальныхъ изученій и построеній; ихъ основная задача—вскрыть конструктивный принципъ, необходимый для построенія теоріи русскаго историческаго процесса, казалась по существу разрѣшенной. И это тѣмъ болѣе понятно, что его время и силы

поглощены огромнымъ трудомъ надъ «Исторіей Россіи», которая, по замыслу ея автора, должна была быть исторіей новой Россіи, а первые томы, посвященные допетровской Россіи, служили только введеніемъ къ ней.

Соловьевское наслѣдіе научно-исторической мысли и осталось такимъ, какъ сложилось въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Его основная концепція тяготѣетъ надъ всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ нашей исторіографіи. Задача его конструктивной схемы—«вывести изъ одного начала и изобразить въ видѣ непрерывнаго послѣдовательнаго процесса рядъ формъ политическаго быта, смѣнившихся въ Россіи съ половины IX-го до конца XVI-го вѣка»—осталась задачей этой исторіографіи. «Родовой» теоріи Соловьева противопоставлены общинная теорія славянофиловъ, задружная Леонтовича, договорная Чичерина и Сергѣевича; но возникшіе споры и критическія обоснованія разнорѣчивыхъ оцѣнокъ прошлой исторической жизни расшатали стройную систему «теоріи родового быта» и его перехода въ бытъ государственный, однако не замѣнили ее какой-либо иной столь же цѣльной схемой. Важнѣе для общаго хода научной работы было иное: въ борьбѣ главныхъ направленій нашей исторіографіи господствовалъ все тотъ же методъ историческаго мышленія и подхода къ фактическимъ даннымъ или свидѣтельствамъ первоисточниковъ, который характеренъ и для раннихъ трудовъ Соловьева. Задачей было, скажу мѣткими словами Градовскаго, «раскрытіе началъ, проявленіе которыхъ въ историческомъ процессѣ указывается на примѣрахъ, взятыхъ изъ русской исторіи; историческій матерьялъ не играетъ тутъ самостоятельной роли; онъ важенъ лишь настолько, насколько въ немъ можно изучить проявленіе того или иного «начала», выдвигаемаго на первый планъ данной исторической конструкціей,—родового, общиннаго, задружнаго или договорнаго». Отсюда та особенность въ изученіи источниковъ и фактовъ, опредѣлявшая весь методъ работы, которую я въ предисловіи назвалъ слишкомъ теоретичнымъ подходомъ къ матерьялу: данныя первоисточниковъ стали, собственно, не основой построенія, а запасомъ иллюстрацій къ положеніямъ защищаемой историко-соціологической доктрины. Весь этотъ укладъ историческаго мышленія сложился подъ вліяніемъ нѣмецкой идеалистической философіи и представляетъ собой отраженіе гегельянства.

Я, конечно, не разумѣю подъ призывомъ отрѣшиться отъ того, что называю слишкомъ теоретичнымъ подходомъ къ матерьялу, такого самообмана, будто его изученіе возможно помимо всякихъ соціологическихъ и историческихъ предпосылокъ: мысль изслѣдователя не tabula rasa, и матерьялъ, имъ изучаемый, даетъ отвѣты только на тѣ вопросы, которые ему этой мыслью поставлены. Но характерный для Соловьевскаго періода русской исторіографіи подходъ къ матерьялу имѣлъ свои методологическія послѣдствія, отъ которыхъ необходимо избавиться. Научный реализмъ требуетъ, чтобы вопросы ставились въ зависимости отъ свойствъ изученнаго матерьяла, а не навязывали ему того, чего онъ—будь то лѣтописные тексты или великокняжескія духовныя грамоты и т. д.—дать не можетъ, по основному своему характеру.

Глубоко справедливо замѣчаніе Градовскаго, что въ построеніяхъ корифеевъ нашей исторіографіи касательно древнерусскаго политическаго быта матерьялъ, почерпаемый изъ первоисточниковъ, не игралъ подобающей ему существенной роли. Отсюда то, на первый взглядъ странное, обстоятельство, что ни фактическія данныя, какими мы располагаемъ для изученія ранней исторіи русскаго политическаго быта, ни тѣ источники, откуда мы почерпаемъ эти данныя, не подвергались пересмотру во всей ихъ полнотѣ. Тѣ же частичные опыты такого пересмотра, какіе были сдѣланы (въ трудахъ Экземплярскаго, М. Грушевскаго, въ монографіяхъ по исторіи отдѣльныхъ областей), не вліяли на общія построенія, а болѣе сами подчинялись воздѣйствію той же историографической традиціи.

Однако, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что эта традиція исчерпана въ трудахъ В. О. Ключевскаго. Ближайшіе ученики Ключевскаго отозвались на тяжелую утрату, какую понесли русская наука и русское просвѣщеніе съ его кончиной, сборникомъ статей: «В. О. Ключевскій, характеристики и воспоминанія». Глубоко содержательная, волнующая книга. Она вскрываетъ основную драму научнаго творчества Ключевскаго—борьбу его яркаго историко-художественнаго темперамента съ глубокимъ вліяніемъ историографической традиціи, со схемами Соловьева. Ключевскій, историкъ-художникъ, глубоко вживается въ историческое прошлое, воспринимаетъ его характерныя черты необычайно интенсивно, реально и ярко. Но, скажу словами М. К. Любавскаго, «свое примѣненіе и направленіе этотъ талантъ получилъ благодаря Соловьеву». Въ своемъ курсѣ, какъ и въ «Боярской Думѣ», Ключевскій «облекъ въ плоть и кровь тѣ общія схемы, которыя даны были въ изложеніи Соловьева, наложилъ детали и краски на изображеніе старой Руси, данное Соловьевымъ». Но Соловьевскія схемы не выдержали напора конкретныхъ историческихъ данныхъ. Въ «историографическихъ замѣткахъ», предпосланныхъ моей книгѣ, есть попытка показать, какъ Соловьевская схема распадается въ переработкѣ Ключевскаго. Распадается, но не исчезаетъ. Засыпаетъ обломками пути изученія и построенія. Не даетъ полной свободы въ чтеніи текстовъ, изученіи источниковъ, подборѣ данныхъ, построеніи фактовъ изъ указаній первоисточника. Ключевскій оперируетъ, въ значительной мѣрѣ, надъ Соловьевскимъ наслѣдіемъ, которое стоитъ между нимъ и непосредственнымъ, свободнымъ воспріятіемъ матерьяла первоисточниковъ. Реалистъ-художникъ въ своемъ воспріятіи прошлаго, Ключевскій въ своихъ обобщеніяхъ и построеніяхъ связанъ традиціонными пріемами идеологической, схематизирующей исторіографіи.

Иное направленіе дала своимъ питомцамъ Петроградская историческая школа—школа В. Г. Васильевскаго, органической вѣтвью которой стала и наша школа русскихъ историковъ, воспитанная въ аудиторіи С. Ѳ. Платонова. Я опредѣлилъ бы ея характерную черту, какъ научный реализмъ, сказывающійся, прежде всего, въ конкретномъ, непосредственномъ отношеніи къ источнику и факту, внѣ зависимости отъ историографической традиціи. Послѣ

долгой внутренней борьбы въ своемъ изложеніи русской исторіи съ неотразимымъ обаяніемъ Ключевскаго, пришелъ и я къ попыткѣ пересмотра нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ русской исторіи въ духѣ воспитавшей меня исторической школы. Эта попытка сложилась не столько въ условіяхъ кабинетной работы, сколько въ аудиторіи, въ живомъ общеніи съ младшимъ поколѣніемъ историковъ, питомцевъ той же школы. Работа отливалась въ формѣ спеціальныхъ курсовъ и семинарскихъ занятій, и въ моемъ сознаніи объ мои книги, прежде всего, публичный отчетъ о характерѣ и направленіи моего университетскаго преподаванія.

Задачу книги, посвященной пересмотру «образованія великорусскаго государства», я опредѣлилъ въ предисловіи, какъ возстановленіе, по мѣрѣ силъ и возможности, правъ источника и факта въ изученіи этого процесса. Историческія данныя, казалось мнѣ, должны получить болѣе полное и существенное значеніе въ представленіи о немъ, внѣ подчиненія ихъ подбора, анализа и построенія какой-либо готовой идеологической схемѣ. Отсюда преобладаніе въ этой книгѣ описательнаго, детально-фактическаго и критическаго изложенія. Съ другой стороны, характеръ этой работы опредѣлился въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что выросла она изъ многолѣтнихъ занятій въ области источниковѣдѣнія—надъ изученіемъ лѣтописныхъ сводовъ. И мнѣ уже задавали естественный вопросъ: почему я не предпослалъ своей работѣ общаго обзора и анализа ея источниковъ? Могу отвѣтить только признаніемъ, что не смогъ этого сдѣлать. Отъ первоначальной мысли выступить съ работой о лѣтописныхъ сводахъ пришлось отказаться. Дѣло въ томъ, что наши лѣтописные своды—обширнѣйшіе анналы съ древнѣйшихъ временъ до третьей четверти XVI-го вѣка, когда прервалось органическое развитіе древне-русскаго лѣтописанія. Ихъ изученіе, по крайнему разумѣнію моему, анализъ ихъ состава, взаимоотношенія, источниковъ и т. д. можетъ дать прочные результаты только при непремѣнномъ условіи одновременнаго изслѣдованія какъ ихъ формальныхъ свойствъ, такъ и конкретнаго ихъ содержанія. Для того, напримѣръ, чтобы установить пріоритетъ той или иной редакціи извѣстія, разно переданнаго въ разныхъ сводахъ, сплошь и рядомъ мало ихъ литературнаго анализа, а приходится выяснять, привлекая рядъ иныхъ данныхъ, фактическія черты этого извѣстія, которыя и служатъ затѣмъ, обратно, критеріемъ для характеристики и критической оцѣнки его редакцій. Въ такомъ смыслѣ моя книга предоставляется введеніемъ къ изученію сѣверно-русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, однимъ изъ первыхъ подходовъ къ болѣе общей работѣ надъ ними. Реальный комментарій къ тексту не всегда можетъ только слѣдовать за предварительнымъ литературно-критическимъ анализомъ самаго текста, а служитъ однимъ изъ неизбѣжныхъ пріемовъ такого анализа. Возможно, что въ такомъ пониманіи дѣла сказалась, отчасти, профессіональная односторонность историка. Вѣдь такой изслѣдователь нашего лѣтописанія, какъ А. А. Шахматовъ, идетъ иными путями и достигаетъ весьма плодотворныхъ результатовъ. Признаюсь, что его методъ лингвиста-филолога мнѣ недоступенъ, и я,

съ другой стороны, увѣренъ—при томъ, насколько разумѣю, безъ разногласія съ А. А. Шахматовымъ,—что этотъ методъ долженъ быть дополненъ пріемами реальнаго критическаго комментарія лѣтописныхъ извѣстій, которыми, впрочемъ, широко пользуется и Шахматовъ, въ меньшей, однако, полнотѣ и систематической послѣдовательности, чѣмъ это, быть можетъ, нужно для твердости выводовъ. Только постоянное и широко проведенное сотрудничество историка и филолога можетъ привести насъ къ должному познанію лѣтописныхъ сводовъ.

Мои историческіе этюды и выросли изъ накопившихся реальныхъ комментаріевъ къ лѣтописнымъ текстамъ, построенныхъ съ помощью иныхъ источниковъ, прежде всего—духовныхъ и договорныхъ грамотъ. И этотъ путь изученія далъ мнѣ свободу отъ вліянія традиціонной схемы на пониманіе текстовъ, на подборъ и установку фактовъ и ихъ взаимоотношеній. А въ общемъ итогѣ историческая жизнь изучаемой эпохи оказалась несравненно болѣе сложной, чѣмъ представлялось по схемѣ, и въ нее отнюдь не укладывается. Получился иной историческій комментарій къ духовнымъ и договорнымъ грамотамъ и къ лѣтописнымъ текстамъ, который потребовалъ пересмотра обычныхъ опредѣленій такихъ явленій, какъ великое княженіе, удѣльное владѣніе, вотчинное княжество. И весь создавшій ихъ процессъ представился въ иной перспективѣ. Оказалось, напримѣръ, невозможнымъ выводить съ Ключевскимъ образованіе «удѣльнаго» порядка изъ условій колонизаціи сѣверо-восточной Руси въ XII и XIII столѣтіяхъ. Удѣльно-вотчинный распадъ выяснился, какъ явленіе значительно болѣе позднее, какъ, съ другой стороны, и самое колонизацію необходимо отодвинуть глубже въ ранніе вѣка. Важнѣе для общихъ историческихъ представленій объ изучаемой эпохѣ иное: процессы такъ называемаго удѣльно-вотчиннаго распада выяснились, какъ явленія внутренней эволюціи того политическаго цѣлаго, которое лѣтописи именуютъ великимъ княженіемъ Владимірскимъ и Великаго Новгорода. Это великое княженіе остается, даже въ моменты наибольшаго ослабленія своей организующей силы, важнѣйшимъ факторомъ общаго хода великорусской политической жизни. Нельзя, поэтому, говорить о смѣнѣ періода распаденія сѣверо-восточной Руси періодомъ ея собиранія. Эти процессы не только развивались, но и наростали параллельно и во взаимодѣйствіи: дробленіе болѣе значительныхъ единицъ княжого владѣнія и вырожденіе ихъ осколковъ въ землевладѣльческія княжескія вотчины само обусловлено ростомъ великокняжеской власти, высасывавшей соки властвованія изъ младшихъ княженій на своемъ пути къ единодержавію и самодержавію.

Такъ слагалась иная общая схема историческаго процесса, пережитаго Великороссіей въ XIII—XIV столѣтіяхъ. Это тоже схема, но въ ней вижу законное преобладаніе «самостоятельной роли матерьяла», не только въ болѣе полномъ и болѣе тщательномъ использованіи его фактическихъ данныхъ съ учетомъ специфическихъ свойствъ и условій, его создавшихъ, но и въ соблюденіи должной хронологической и культурно-исторической перспективы. Нельзя, напримѣръ, строить понятіе удѣла на текстахъ, взятыхъ безъ раз-

личенія изъ временъ Калиты и Ивана III-го, какъ дѣлаетъ хотя бы Чичеринъ, игнорируя, что между ними—цѣлый періодъ перерожденія княжого права и его бурный кризисъ въ смутахъ эпохи Василія Темнаго. Въ обычныхъ опредѣленіяхъ «удѣла» его существенными признаками оказались черты, появившіяся—и то лишь внѣшне и болѣе, чѣмъ условно—въ эпоху упадка и разложенія стараго семейно-вотчиннаго княжого права, какъ, напримѣръ, завѣщательное распоряженіе удѣломъ въ смыслѣ назначенія наслѣдника волей завѣщателя: по существу эта черта прямое отрицаніе подлиннаго «владѣнія вотчиной по удѣламъ». Нельзя пользоваться для изученія междукняжескихъ отношеній лѣтописными сводами XVI вѣка, особенно Никоновской лѣтописью, не учитывая ея яркой мѣстнической тенденціи, такъ удачно подготовившей «теорію родового быта», а черезъ нее «теорію очереднаго владѣнія».

Эти элементарные результаты болѣе свободнаго и конкретнаго подхода къ матерьялу даютъ возможность болѣе реально понять и установить въ болѣе точномъ согласіи съ указаніями источниковъ не мало крупныхъ и мелкихъ историческихъ явленій.

Въ центрѣ моей работы—исторія великокняжеской власти, развитіе которой представилось мнѣ болѣе непрерывнымъ и органическимъ, чѣмъ изображено оно въ нашей исторіографіи—отъ давнихъ представленій о патріархальной власти «въ отца мѣсто» до Московскаго едино-и самодержавія. Великорусское государство выросло не изъ горчичнаго зерна московской вотчины, а изъ Владимірскаго великаго княжества, изъ «великаго княженія Владимірскаго и Великаго Новгорода», выросло не путемъ скопидомнаго и «частно-владѣльческаго» собиранія земли, а въ борьбѣ на широкой политической аренѣ за неумиравшую тягу къ политическому объединенію русской силы. На фонѣ этой общей концепціи иными представились отношенія къ этой великокняжеской власти Великаго Новгорода, русской митрополіи, боярства.

Я не счелъ удобнымъ выдѣлить въ особую главу, наряду съ обзоромъ судебъ великихъ княжествъ Тверского, Рязанскаго и Нижегородскаго, исторію Великаго Новгорода, такъ какъ онъ представился мнѣ, на всемъ протяженіи даннаго періода, неизмѣнно болѣе органичной частью великорусскаго политическаго цѣлаго, чѣмъ эти мѣстныя великія княжества, и, болѣе того, одной изъ важнѣйшихъ опоръ, одной изъ активныхъ силъ самаго возрожденія великорусской великокняжеской власти. И если моя работа выдержитъ въ основныхъ чертахъ своихъ научную критику, то ею, полагаю, ставится на очередь, между прочимъ, задача довольно существеннаго пересмотра исторіи Новгорода, какъ великорусской области. Столь же неполно, лишь въ ихъ отношеніи къ борьбѣ за собираніе власти, за политическую централизацію Великороссіи коснулся я исторіи церковнаго строя и боярства. Предлагаю въ этой книгѣ только пересмотръ внѣшней исторіи образованія великорусскаго государства въ томъ убѣжденіи, что установленіе общихъ основныхъ очертаній этого процесса—необходимая предпосылка для углубленнаго изученія творившихъ его соціальныхъ и культурныхъ силъ. Значеніе, на какое можетъ

сколько-нибудь претендовать эта книга, больше критическое и методологическое, чѣмъ конструктивное. Она пытается расчистить пути для болѣе реальнаго пониманія нашего прошлаго. Ученая критика отдѣлитъ въ ней пшеницу отъ плевелъ. Въ наукѣ, какъ въ жизни, все минется, одна правда останется.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧН.
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА